

Михаил Юрьевич Богатырев

Образ Родины в богословско-поэтическом конструктивизме архимандрита Евфимия (Вендта)

Аннотация. Архимандрит Евфимий (Вендт; 1894-1973) – одна из самых загадочных фигур на горизонтах русского православия в послевоенной Франции. Если наследие А.Н.Бердяева и С.Н.Булгакова изучено достаточно хорошо, то мистическая поэзия и лингвобогословие отца Евфимия до сих пор остаются недоступными даже специалистам, а его принадлежность к российской религиозно-философской традиции сопряжена с неотвязным призраком «заштатной единицы». Трактат «Начертание и наречение решений Отрещенного», написанный архимандритом Евфимием на склоне лет, не имеет прямых аналогов ни в одном из существующих жанров.

Представления о потерянном рае и о крестном пути России можно считать лейтмотивными для всей русской послереволюционной эмиграции. В трактате архимандрита Евфимия образ распятой родины отождествлен с Софией Премудростью Божией. В топологическом плане София соотнесена со Святыми Престолами Новгорода, Киева и Москвы. Эти Престолы занимают особое место в мировоззренческой системе архимандрита Евфимия, считавшего их выражением незримого мистического оплата Церкви Христовой. Тринитарная престольная конструкция служит вознесению России, которая нынче в небесном сокрытии предстоит пред очами Господа, дожидаясь Страшного Суда.

Ключевые слова: литература русской диаспоры, религиозно-философская традиция, софиология, парижская интеллектуальная школа, богословский модернизм, православие

Mikhail Bogatyrev. The image of the motherland in theological and poetic constructivism of archimandrite Euthyme (Wendt)

For a number of years the culture theorist and poet Mikhaïl Bogatyrev has been studying the religious and philosophical heritage of the Russian diaspora in France, and, in particular, materials that were not in demand by contemporaries for one reason or another. One of such "white spots" is a mystic treatise, created by archimandrite Euthyme : «Drawing and naming of decisions of the Detached» (1968). The difficulties arising in the analysis of this book are related to the fact that, with the features of both literary and theological modernism, it is not reduced to either one or the other. Using the analogy with music, it is possible to define this treatise as a unique example of theological-artistic aleatory.

After his studies in the St. Serge Orthodox Theological Institute, archimandrite Euthyme (born Gregory Wendt, 1894-1973) was for more than thirty years, from 1938 until his death, the confessor of the nuns in monastery of Our Lady of Kazan in Moisenay, a small village of Seine-et-Marne, France.

The notions of Lost Paradise and the Way of the Cross of Russia can be considered like the leitmotiv for the entire Russian post-revolutionary emigration. In the treatise written by archimandrite Euthyme, the image of the crucified homeland is identified with Sophia Wisdom of God.

Keywords: literature of the Russian diaspora, religious and philosophical tradition, sophiology, the Parisian intellectual school, theological modernism, orthodoxy

Считается, что большая часть литературно-критического и религиозно-философского наследия русской диаспоры во Франции опубликована и изучена; это справедливо в отношении трудов А.Н.Бердяева, В.В.Зеньковского и С.Н.Булгакова, книг В.Н.Вейдле, К.В.Мочульского и даже отчасти забытого П.К.Иванова... Однако в этом культурном массиве имеются и «белые пятна» – например, богословская работа о.Леонида Хроля «Альфа и Омега»¹ или, скажем, поэма В.П.Мятлева «Фон Братен»². К материалам, которые по тем или иным причинам не были востребованы современниками, относится и софиологический трактат³ «Начертание и наречение решений Отрешенного», написанный архимандритом Евфимием (Вендтом) в конце 1960-х годов и на сегодняшний день существующий в виде двух десятков копий, сделанных самим автором. Рукопись трактата размножали монахини Покровской обители в Бюсси-ан-От, печатая ее на механической машинке под копирку, а отец Евфимий занимался версткой и сшивкой своего трехтомного сочинения. Нам известно о местонахождении пяти экземпляров, не идентичных, надо полагать, по составу материалов и по комплектации отдельных машинописных томов-тетрадок, поэтому, думается, целесообразнее говорить не о тираже (пусть микроскопическом), а о манускриптных версиях трактата. Рукопись была разослана избранному кругу лиц — священникам, богословам, философам (в том числе А.Ф.Лосеву).

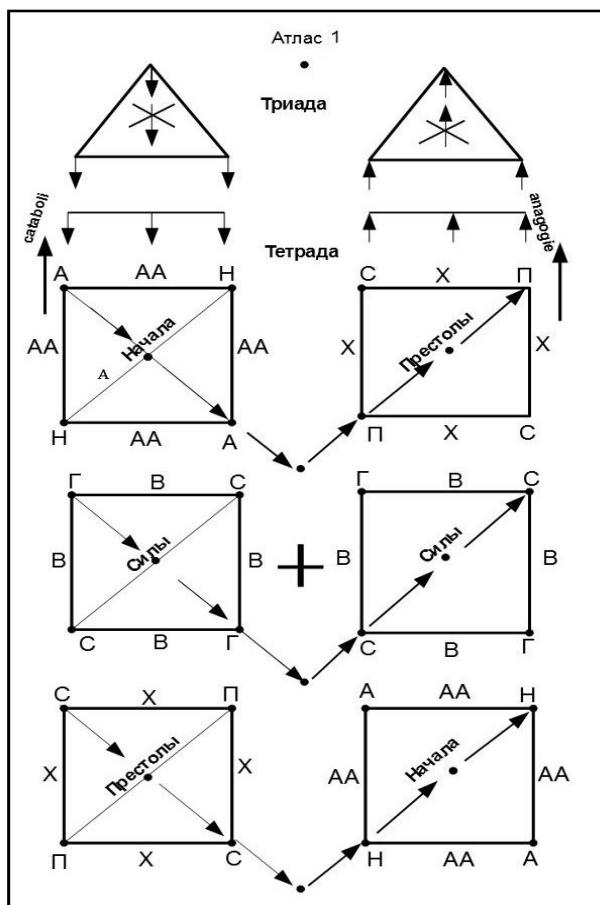
Возникновению замысла трактата предшествовало событие экстраординарное, воспринятое самим архимандритом Евфимием как озарение свыше. Однажды, читая «Книгу слов» Исаака Сирина, отец Евфимий услышал

1 Протоиерей Леонид Хроль (1902-1989) служил в различных приходах на Юго-Западе Франции (Тулуза и Монтобан), был мистиком-визионером, художником в стиле «арт-брют», но прежде всего – писателем-теологом. Трактат «Альфа и омега» был написан им на французском языке в 1933 году (в конце 1960-х автор перенес его на русский), но не был опубликован из-за свободолюбивого, независимого духа, не стесненного узкими перегородками определенных конфессиональных идеологий. См.: [Le Père Léonide Chrol, online].

2 Владимир Петрович Мятлев (1868, Санкт-Петербург — 1946, Париж) — камергер, отставной гвардии полковник, русский поэт, внук (возможно, двоюродный) более известного поэта Ивана Мятлева, современника А. С. Пушкина. До эмиграции Владимир Мятлев издал семь томов стихов, в основном, сатирических. Эмигрировал в 1920 г., жил во Франции; его роман в стихах «Фон-Братен» (152 строфы, более 2000 строк) – это своеобразный перепев «Евгения Онегина»; в 1920-е года он смотрелся, отчасти, анахронизмом. См.: [Мятлев 1922].

3 Софиология – синкретическое религиозно-философское учение, включающее философскую теорию «положительного всеединства» и мистическое узрение Софии Премудрости Божией как космического творческого принципа.

издалека пение небесных хоров и словно бы прозрел духовно⁴. Перед его мысленным взором предстала лестница с ангелами, спускающимися на землю и восходящими на небеса, причем увидел он ее не во сне, как праотец Иаков, а наяву. Стереометрическая панорама, пронзившая все его существо, состояла из множества планов и была окружена сномом Божественных смыслов, калейдоскопически отражавшихся друг в друге. Зарисовывая проекции всех этих ракурсов на плоскость («атласы», если следовать его самобытной терминологии), отец Евфимий старался придерживаться единой геометрической разметки, соответствовавшей его представлению о так называемых священных архитектониках.

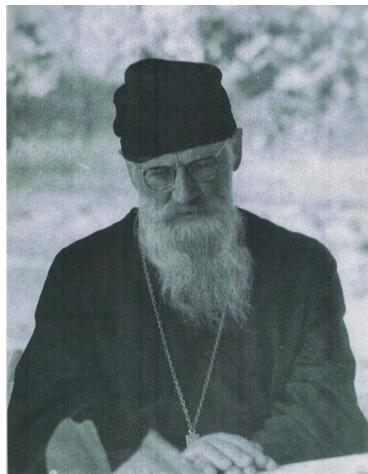
Первый из 63 атласов, включенных о. Евфимием в текст трактата

4 Эйкалович пишет: «Что положено в основу этого труда? Мистическое озарение, содержанием которого было религиозно-интеллектуальное интуитивное постижение догмата <о сотворении мира>. Озарение это имело место однажды, когда о. Евфимий читал «Книгу Слов» св. Исаака Сириня. Оно наступило мгновенно, имело гносеологический характер, хотя и выражалось "в чувствах дальнего осознания: ощущении зрительном и слуховом"» [Эйкалович 1973, с. 94].

Итак, София Премудрость явила себя отцу Евфимию 4 ноября 1945 года, причем открылся ему не образ Вечной Жены, как Вл.С.Соловьеву, а «метафизические арматуры» подъема и спуска (годами позже он отметит сходство этих конструкций с «Таблицами Творения» польского математика и мистика Ю.Гейне-Вронского). «В 1945 году на осеннюю Казанскую, — пишет отец Евфимий, — я нарисовал мою лестницу на небо; видение Иаковле оснастил Священными Архитектониками»⁵. Это было своего рода указание перста Божиего, почти как в случае с Обером, епископом Авранским, которого в 708 году архангел Михаил убедил начать строительство храма на горе Мон-Томб, прикоснувшись к его челу своей огненной десницей. Вся последовавшая за Озарением интеллектуальная деятельность отца Евфимия, все его косноязычие и невнятница исходили из настоятельной потребности передавать напрямую непередаваемые Божественные смыслы. Откровение оказалось нелегким бременем, которое деформировало его, оторвало от нормальной манеры изъяснения. Пройдя, подобно праотцу Моисею (правда, в иной форме), по стезе уникального опыта личного общения с Богом, отец Евфимий, обладавший техническим складом ума, использовал в первую очередь именно этот свой ресурс для транскрипции излившейся на него благодати.

Григорий Вендт родился в 1894 г. в Сергиевом Посаде. Окончив гимназию с золотой медалью, он поступил в Петербургский политехнический институт на кораблестроительное отделение. В 1915 г. он был отправлен на фронт прaporщиком инженерных войск, а после революции служил телеграфистом в армейских соединениях генерала Кутепова, которые из Крыма были интернированы в Галиполи (Турция). Оказавшись во Франции в 1930-е годы, Григорий Вендт закончил Свято-Сергиевский богословский институт (во время учебы он посещал софиологические семинары Сергея Булгакова), принял монашеский постриг под именем Евфимия и несколько десятилетий (вплоть до своей кончины в 1973 г.) служил священником в женском скиту под Парижем, где собственноручно, по собственным чертежам, построил церковь.

5 [Начертание 1968, с. 245].

Отец Евфимий, 1950-е годы

Свой 500-страничный трактат отец Евфимий писал уже в последние годы жизни. Эта книга, обладающая признаками как литературного, так и теологического модернизма, выходит за рамки и литературы, и теологии; на ее страницах экзегетика перемежается символами теории множеств, а заумно-фонетическая поэзия приобретает молитвенную направленность; воспользовавшись аналогией с музыкой, можно определить этот труд единственный в своем роде образец художественно-богословской алеаторики.

«Я помешаю визуальный центр „внутри“ тела, – пишет он, – на высоте глаз и уха и в оси тела; для меня существует верх-низ, право-лево, вперед-назад. Но это не мешает мне представлением и вниманием быть там, где телом я никогда не был. (..) Внутреннее виртуальное есть всегда во Встрече. Лицо Вре во Встрече, как лицо Моисея, как Лицо Христа, явившего в Преображении Лицо Бога в Воплощении»⁶.

Из приведенного отрывка видно, что отец Евфимий активно вводил в свою речь неологизмы, осуществляя, если воспользоваться его собственной терминологией, «Отдачу Языка Вручению Откровения»⁷. Под Встречей (с

6 [Начертание 1968, с. 159-160].

7 Приведем этот фрагмент целиком, чтобы показать, насколько отец Евфимий ощущал себя накоротке с модернистской эстетикой: «Вязи Ремизовские — литература. Зауми Хлебниковские — поэзия. Эти скратки — что? Всё-таки — Язык! Во всяком случае, исповедуем, что настоящий Хлебный Ремиз есть Отдача Языка Вручению Откровения» [Начертание 1968, с. 368, 378].

большой буквы) подразумевается, конечно же, встреча с Богом. Но, судя по софийным схемам и чертежам, которыми изобилует трактат и на основе которых была построена композиция церковных росписей, осуществленных по просьбе отца Евфимия иноком Григорием (Кругом), здесь имеется еще и интерференция с идеей встречи с Родиной в Царствии Небесном.

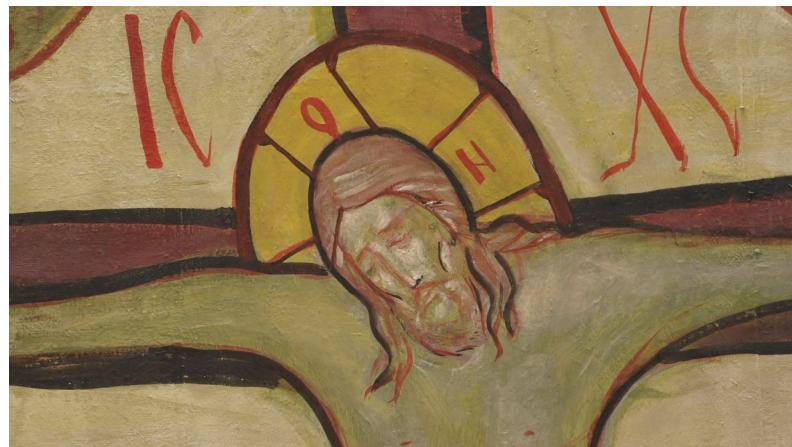
Плафонная роспись, изображающая Распятого Христа, олицетворяет, по замыслу отца Евфимия, Софию Крестную. Распятие словно бы опирается на «Огненного Ангела» изображенного на восточной стене храма и на фреску «Богородица Знамение» на западной стене, образуя с ними как бы единое целое, Триаду. Отец Евфимий связывает эту символическую презентацию Софии Троичной с вполне определенным топосом: «За тремя Софиями, — пишет он, — три русских державствования — Новгород, Москва, Киев. Три святопрестольные, престольные Празднования»⁸

Трактат отца Евфимия является собой сложную форму экфрасиса⁹, поскольку в нем, помимо всего прочего, содержатся (в обрывочном виде) и описание храма, и хроника его строительства, и заметки о создании фресок, а прежде всего — идеи, которые предопределили характер и композицию храмовой росписи¹⁰.

8 [Начертание 1968, раздел Храм, с. 57].

9 В самых общих чертах экфрасис — это «словесное изображение визуального изображения» (У.Дж.Т. Митчелл).

10 «Предстояло исполнить (...) по моему влечению Троицу Софийную, — пишет отец Евфимий. — Тут уже дело было другое. В храме — резонанс, и наши голоса звучали повышенно. Державный Новгородский Образ. — Не откажешь! Но я имел неосторожность, для убедительности, говорить: Огненный Ангел, Святая Сила, Престол Напрестоления Неба, София Действа — предобразующая Софию Девства, метатезис Миротворения, Воля Саваофа. Отец Григорий настораживался, протестовал. Нет и нет! — На престоле сидит София Божественная. И он был прав без того, чтобы и мне быть неправым» [Начертание 1968, раздел Храм].

Инок Григорий (Круг). Плафонная роспись, фрагмент фрески (фото М. Б)

И в трактате, и в храме, построенном архимандритом Евфимием, обращает на себя внимание этот крайне неординарный образ Софии Премудрости Божией, воздетой на крест и вознесенной ввысь¹¹. Исходя из того, что представление о потерянном рае и о крестном пути России было лейтмотивным для всей русской послереволюционной эмиграции, этот замысел отца Евфимия прочитывается как отождествление распятой Родины с Софией Премудростью.

11 Но допустима ли вообще в иконографии персонализация Софии Премудрости, и более того – «переменная» идентификация Ее сначала с образом Огненного Ангела, затем – Богородицы, затем – распятого Иисуса? Вопрос спорный, и однозначного ответа на него нет. Так, Н.Квиливидзе утверждает, что в древнерусской иконографии сосуществовали две относительно равноправные традиции изображения Премудрости: в одной оно было ипостасным или личным (Христос как Второе Лицо Святой Троицы), в другой – новгородской – олицетворительным, как свойство Святой Троицы, в виде женщины или Ангела с нимбом, состоящим из двух пересекающихся ромбов [Квиливидзе 1995, с. 150–157]. Вероятно, в основу последнего изображения лег текст пророчества Исаии об Ангеле Великого Совета (Ис. 9).

Роспись Казанского храма в Муазне (франция), общий план (фото М. Б.)

Триада в «тетра-триадологии» о. Евфимия соотносится с небесным порядком, а тетрада – с земным укладом. На фресковых надписях обозначены Св. Престолы Новгорода, Москвы и Киева.

К алтарному престолу в православии отношение совершенно особое, животрепещущее: его облачают в освященные одежды, обматывают сорокаметровым вервием, подразумевая и путы, которыми был связан Спаситель, ведомый на суд, и Божественную силу, объемлющую Собой все творение. Будучи местом, на котором в момент совершения Бескровной Жертвы небесное переплетается с земным, он знаменует собой предстоятельное поместилище Пресвятой Троицы (Триада в прообразе), и в то же время его структурная выкройка основана на четверице (Тетрада), отображающей вещественный уклад мира. Квадрату престола соответствуют четыре стороны света, четыре времена года, четыре периода суток и т. д.

В «Ареопагитиках», самой известной из ангельских иерархий, составленной Дионисием Ареопагитом, названы три хора (или уровня), каждый из которых состоит из трех небесных чинов. Так, Силы, Власти и Господства

принадлежат ко второму хору Божественных, или Богопричастных, Умов, в то время, как Престолы относятся к первому (или наивысшему) хору. Известно, что, восседая на них, Господь будет вершить Страшный Суд Свой и что они «многоочиты». В десятой главе книги пророка Иезекииля сказано следующее:

«9. И видел я: и вот четыре колеса подле Херувимов, по одному колесу подле каждого Херувима, и колеса по виду как бы из камня топаза. 10. И по виду все четыре сходны, как будто бы колесо находилось в колесе. 11. Когда шли они, то шли на четыре свои стороны; во время шествия своего не оборачивались, но к тому месту, куда обращена была голова, и они туда шли; во время шествия своего не оборачивались. 12. И все тело их, и спина их, и руки их, и крылья их, и колеса кругом были полны очей, все четыре колеса их».

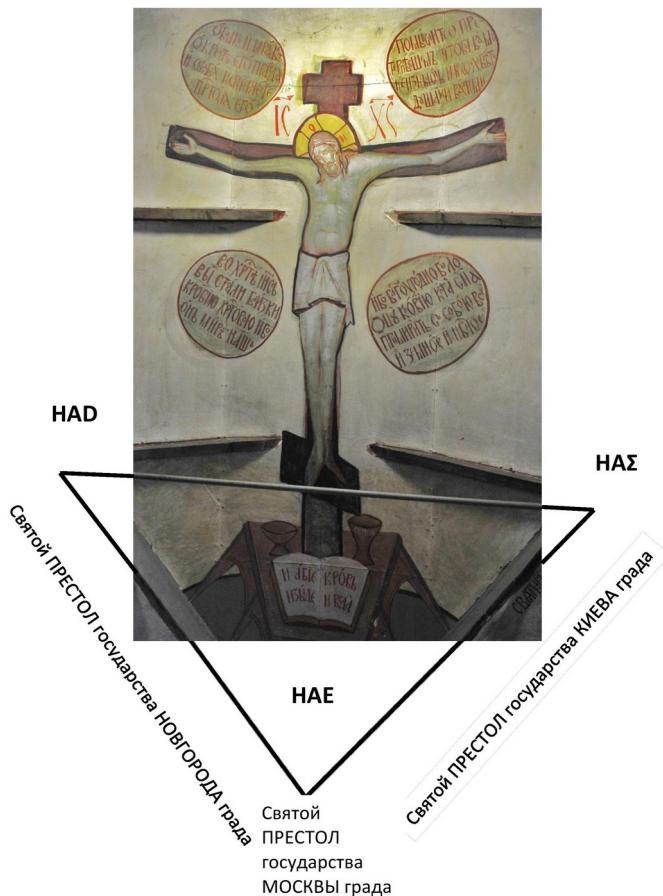
У архимандрита Евфимия тринитарная престольная конструкция указывает на вознесение России, которая в небесном сокрытии предстоит пред очами Господа, дожидаясь Страшного Суда.

Плафонная роспись, фрагмент (фото М. Б.)

Что касается источников трактата, то на первом месте, безусловно, стоит Священное Писание и «Философия имени» Сергея Булгакова; можно также говорить о глубочайшем влиянии, которое оказали на архимандрита Евфимия «Философия имени» А.Лосева, «Критика чистого разума» Канта и – этот момент

следует подчеркнуть особо – «Таблицы творения» польского математика-метафизика Юзефа Гейне-Бронского, развивавшего идеи мессианизма во Франции в начале XIX века¹². Кроме того, как стилист-новатор архимандрит Евфимий вполне сродственен с Велимиром Хлебниковым, что трудно поддается объяснению: в православных эмигрантских кругах не было предпосылок для увлечения футуризмом; как умонастроение футуризм принимался в штыки ввиду очевидного сродства с разрушительной большевистской идеологией.

София Крестная (плафонная роспись Григория (Круга))
в соотнесении с престольной триадой (фотокомпозиция М. Б.)

12 В 1802 г. в Марселе Гейне-Бронский пережил некое озарение, кардинально изменившее его образ мыслей и подтолкнувшее его к идеи мессианизма, предполагающей, что Бог вложил в человечество задатки для завершения творения и обретения бессмертия (как заметил историк философии о. Василий Зеньковский, в мессианизме почему-то нет места Мессии, т. е. самому Христу). Создавая свои «Таблицы творения», Гейне-Бронский пытался найти всеобщий математической алгоритм для описания мира как творения Божьего. Этот алгоритмический подход позаимствовал у него наш православный софиолог о. Евфимий.

Основываясь на личном откровении, мечтатель-архимандрит решил воссоздать некий до-авилонский язык, наделяя смыслом фонемы. Экстраполируя его мотивацию, можно предположить даже, что он дерзнул помыслить Бога в Нем Самом, в Его сущности, в Его сокровенной тайне (вопрос об осуществимости и допустимости подобного шага мы оставим открытым).

Вернемся к процитированному выше отрывку: «...*Внутреннее виртуальное есть всегда во Встрече. Лицо Вре во Встрече, как лицо Моисея...*». Здесь расшатывание именований происходит только в одной позиции, а именно: слово «Встреча» после элиминации звуков «с», «т», «ч» и «а» превращается в неологизм «Вре»¹³. У этого отрывка весьма неожиданное продолжение, в котором, помимо фонетической редукции, обнаруживается очень многое из того арсенала средств, который применяли на заре XX века футуристы-заумники¹⁴. Собственно, в тексте происходит стилистический «перескок», и автор начинает говорить на каком-то экзотическом наречии, «языками», как это делали древнекоринфские христиане, которым апостол Павел адресовал слова: «Молитесь о даре истолкования». Отец Евфимий пишет [[Начертание 1968, с. 160]:

Встреча- встриега- втиг-втяг
среда- среда- д- дар
Втяг среды втиаг среды- ы
Дар Встречи- дар встиеги и
Ибо Господь и Средец и Средство

Здесь происходит подрывание изнутри устойчивых лексических основ: шипящая морфема «еч» в слове «Встреча» камлательно преобразуется в твердую

13 Как если бы слова «Встреча» и «Время» позиционировались в качестве однокоренных по, так сказать, формально-принудительному признаку.

14 К этому арсеналу относится внутреннее склонение слов, морфемные инверсии etc. Когда заумники пытались возродить «довавилонский» язык, они полагали, как пишет В.В.Бычков, – что «на фонетическом уровне, который не подвластен контролю разума», удастся «выразить более истинные и глубокие смыслы, утраченные традиционными вербальными языками в результате жесткого контроля разума над их семантикой» [Бычков, online]. Отвечая однажды своему корреспонденту игумену Геннадию (Эйкаловичу) на прямо поставленный вопрос, способен ли он изъясняться «нормально», отец Евфимий заявил о предпринятом им «страстном походе» на категории «лексики, и синтаксиса и семантики» [Эйкалович 1973, с. 94].

«iег»: «встрiега», а после изъятия из слова «Встреча» букв «в» и «т» и после замены «ч» на «д» «встреча» принудительно артикулируется как «среда». Как тут не вспомнить образное описание артикуляции, которое Радищев предпосыпает процессу освоения иностранных языков: «Гортань (...) необыкновенным журчанием исходящего из нее воздуха утомляется, и язык, новообразно извиваться принужденный, изнемогает. Разум тут цепенеет...»¹⁵.

У некоторых авторов мистических сочинений (например, у Вл.С.Соловьева в период написания трактата «София» в Каире на французском языке) неопределенность, разбросанность стиля и отсутствие логики изложения свидетельствует об исключительной глубине и силе погружения в проблематику, и, пожалуй, книга отца Евфимия – именно такой случай.

Приписывая встрече с Родиной координаты Царствия Небесного, архимандрит Евфимий выразил специфическое переживание невосполнимой утраты, присущее эмиграции в целом. У представителей диаспоры связь с метрополией – с корневыми устоями культуры – принимает фантомный характер, приводя одних к отчаянной славянофобии, других – к внезапному прозелитизму или же к патриотизму (подчас беспочвенному и гротескному) Ужас оккупации и антиномичность победы, укрепившей сталинскую тиранию, переплелись в эмигрантском сознании, и без того дезориентированном, с эпопеей «перемещенных лиц», ложью отечественной пропаганды (в том числе и церковной), с разрухой, безвестностью, общим катастрофическим состоянием. На этом фоне творчество архимандрита Евфимия выпадает из времени и словно бы возносится ввысь над конкретными реалиями эпохи.

Библиография

Архимандрит Евфимий (Вендт). 1968-1973. *Начертание и наречение решений Отрешенного. Графика и грамматика Догмата*. Рукопись в 3 тт., 25 (?) экз., Муазне, 560 с. (в тексте цитируется как «Начертание...»).

Мятлев Владимир Петрович. 1922. *Фон-Братен*. Роман в стихах из великосветской жизни. (Написано в конце 90-х годов прошлого столетия). Записано по памяти в Канне 1921 года. Берлин: Издание книжного магазина „Град Китеј”, 84 с.

Статьи в журналах

Квиливидзе Н. В. 1995. *Новгородская икона Софии Премудрости Божьей*. „Макарьевские чтения”, вып. 3, ч. 2.: 150–157, Можайск.

Эйкалович Геннадий, игумен. 1973. *Развернутый иероглиф. Памяти архимандрита Евфимия Вендта*. „Вестник РСХД” №107(1): 91-112, Париж: YMCA-press.

Электронные ресурсы

Бычков В. В. *Заумь*. (online ресурс „Лексикон нонкласики”) <https://culture.wikireading.ru/49475> (доступ 06. 10. 2019).

Радищев Алексей Николаевич. *Путешествие из Петербурга в Москву. Слово о Ломоносове*. (online) <https://ilibrary.ru/text/1850/p.25/index.html> (доступ 06. 07. 2018).

Le Père Léonide Chrol. *Alpha et Omega - Livre I.* (online) <http://www.abitibi-orthodoxe.ca/page59.html#preface> (accès 23.11.2020). (In French)

References

Arhimandrit Euthyme (Wendt). 1968-1973. *Načertanie i narečenie rešenij Otrešennnogo. Grafika i grammatika Dogmata*. [Drawing and naming of decisions of the Detached. Graphics and grammar of Dogma]. Manuscript in 3 vols., 25 (?) copies, Moisenay (France), 560 p. (In Russian)

Byčkov V. V. *Zaum'*. (online resurs „Leksikon nonklassiki”) [Zaum. Available at: "Lexicon of nonclassics"] <https://culture.wikireading.ru/49475> (accessef: 06. 10. 2019). (In Russian)

Èjkalovič Gennadij, igumen. 1973. *Razvernutyj ieroglif. Památi arhimandrita Eufimiâ Vendta*. [An expanded hieroglyph. In memory of Archimandrite Euthyme Wendt]. „Vestnik RSHD” (Le messager A.C.E.R.) №107(1): 91-112, Paris, YMCA-press. (In Russian)

Kvilividze N. V. 1995. *Novgorodskaā ikona Sofii Premudrosti Bož'ej*. [Sophia la Sagesse de Dieu (icône de Novgorod)]. „Makar'evskie čteniâ”, issue 3, part 2, pp. 151-157. (In Russian)

Mâtlev Vladimir Petrovič. 1922. *Fon-Braten*. [Novel in verse from high society life. (Written in the late 90s of the last century). Recorded from memory at Cannes 1921]. Berlin, Izdanie knižnogo magazina «Grad Kitež», 84 p. (In Russian)

Radišev Aleksej Nikolaevič. *Putešestvie iz Peterburga v Moskvu. Slovo o Lomonosove*. [Travel from St. Petersburg to Moscow. A speech about Lomonosov.]. Available at: <https://ilibrary.ru/text/1850/p.25/index.html> (accessef: 06. 07. 2018). (In Russian)